УДК 159.9

А. А. Фёдоров

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: fedleks@yandex.ru

УЗНИК ЧЕРТОВА ОСТРОВА

Поднимается вопрос о сущности бихевиоризма, его историческом развитии, формах и современном состоянии. Особое внимание уделяется радикальному бихевиоризму Скиннера и анализу заблуждений, которые существуют относительно него в российской психологии. В заключение акцентируется внимание на том, что недооценка потенциала бихевиоризма часто связана с его неправильной интерпретацией.

Ключевые слова: бихевиоризм, радикальный бихевиоризм, методологический бихевиоризм, личные события, операционализм, материализм, причинность, Скиннер.

С 60-х гг. XX столетия, когда была провозглашена так называемая «когнитивная революция в психологии», не прекращаются споры о том, мертв бихевиоризм или нет. Одни ученые утверждают, что «когнитивная революция» окончилась полной победой [Lachman, Lachman, Butterfield, 1979]. М. Хант завершает рассмотрение бихевиоризма параграфом с говорящим названием «Упадок и конец» [2009]. С. Пинкер пишет не только о том, что «строгий [strict] бихевиоризм практически мертв в психологии» [Pinker, 2002. P. 21], но и эмоционально перечисляет его негативное наследие. Другие ученые, напротив, перефразируя знаменитую фразу Марка Твена, говорят о том, что слухи о смерти бихевиоризма преувеличены [Wyatt, Hawkins, Davis, 1986; Ardila, 2006]. На наш взгляд, если ориентироваться на объективные показатели, то следует признать правоту последних: достаточно взглянуть на количество журналов, в которых публикуются фундаментальные и прикладные исследования, выполненные в бихевиористской традиции [1].

Нет, бихевиоризм не мертв, но его постигла судьба куда как более печальная. И дело даже не в том, что он оказался сослан на Чертов остров [2] «за преступление, которого не совершал» [Skinner, 1985. P. 300]. И не в том, что представления о бихевиоризме зачастую искажены или вовсе ложны. Трагизм судьбы бихевиоризма заключается в том, что сама его суть оказалась размытой. Будучи в первые годы своего рождения твердой скалой посреди океана ментализма, в наши дни бихевиоризм представляет собой довольно аморфную массу. Уже в пер-

[1] Перечислим лишь некоторые из них: *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*, *Journal of Applied Behavior Analysis*, *Behavior and Philosophy*, *The Behavior Analyst*, *The Analysis of Verbal Behavior*, *European Journal of Behavior Analysis*, *Japanese Journal of Behavior Analysis* и проч. К тому же нужно учесть, что работы авторов, причисляющих себя к бихевиористам, публикуются и в других журналах, например: *The Psychological Record.* Здесь следует сказать, что в российской психологии бихевиоризм, при всем своем великом прошлом и бурном настоящем, находится на периферии, если вообще представлен в академической среде. Примечательным фактом является то, что на русский язык не переведена ни одна из крупных работ Б. Ф. Скиннера, одного из влиятельнейших бихевиористов XX столетия. Это верно и относительно других крупных бихевиористов (пожалуй, кроме Дж. Уотсона): Э. Толмена, К. Халла, Э. Гатри и др. Более того, не переводятся новые серьезные работы, выполненные в бихевиористской традиции, что, на наш взгляд, говорит об общем отсутствии в российской академической среде интереса к этой школе.

[2] Чертов остров – печально известный остров во Французской Гвиане, который служил тюрьмой для особо опасных преступников, среди которых было немало и политических.

вые десятилетия последователи Уотсона настолько изменили содержание самого термина, что в 1942 г. Курт Левин писал: «Теория поля, как любой научный подход к психологии, является “бихевиористской”, если это означает стремление обеспечить “операциональные определения” (проверяемые симптомы) для используемых понятий» [Левин, 2000. С. 83]. Но сам Уотсон не был операционалистом. Более того, самый известный бихевиорист XX столетия, Б. Ф. Скиннер, указывал на то, что бихевиоризм часто ошибочно подменяют логическим позитивизмом и операционализмом. С его же точки зрения, операционализм, неизбежно ведущий к солипсизму, в решении психологических проблем является бесплодным [Skinner, 1963].

Увы, история науки пошла таким путем, что в наши дни называть себя бихевиористом может кто угодно. Собственно, по этой причине любые рассуждения о *бихевиоризме вообще* лишены смысла. Нет бихевиоризма, есть «бихевиоризмы». И в этой статье мы кратко попытаемся их описать, делая особый акцент на самом влиятельном из них – радикальном бихевиоризме Б. Ф. Скиннера.

Бихевиоризм: рождение

Первоначально был лишь один бихевиоризм, и это был бихевиоризм Джона Уотсона. Сегодня вряд ли кто будет ставить под сомнение тот факт, что именно он впервые в печати использовал такие слова, как *бихевиоризм*, *бихевиорист*, *бихевиористский*. Почти столетие назад, в 1913 г., в журнале «Психологическое обозрение» вышла его статья «Психология глазами бихевиориста» [Watson, 1913] [3]. В ней он писал следующее: «С точки зрения бихевиориста психология является чисто объективной экспериментальной областью естествознания. Ее теоретической задачей является предсказание и контроль поведения» [Ibid. P. 158]. Как видим, Дж. Уотсон не претендовал на создание новой науки, что, пожалуй, было стратегической ошибкой [Skinner, 1974]. К тому времени уже более трех столетий психологией называли область знаний, изучавшую душу, сознание и прочие ментальные сущности, так что наивно было ожидать, что такая психология сдастся без боя. И действительно, уже в скором времени появляется ряд так называемых необихевиористских концепций, среди которых отдельно стоит указать на *целенаправленный бихевиоризм Э. Толмена.* Следующая цитата весьма показательна: «Когда я начал пытаться разработать собственную бихевиористскую систему, на самом деле я пытался переписать основанную на здравом смысле менталистскую психологию или то, что гештальт-психологи называли феноменологией, в операциональных бихевиористских понятиях. Келлер назвал меня “криптофеноменологом”. И, возможно, был прав» [Tolman, 1959. P. 94]. Таким образом, бихевиористом Э. Толмен был только методологически, на уровне онтологии оставаясь приверженцем ментализма. Тем самым нарушалось требование, которое основатель бихевиоризма метафорически сформулировал следующим образом: «Бихевиоризм – молодое вино, которое нельзя разливать в старые бутылки» [Watson, 1929. P. 39]. Иными словами, бихевиоризм требовал обновления психологии как в онтологическом, так и методологическом плане. Толмен же, если продолжить метафору Уотсона, разливал старое вино в новые бутылки. Занятие сомнительное, тем более если учесть, что, по большому счету, на уровне методологии бихевиоризм понимался Толменом как операционализм. Не случайно еще одним названием, которое Толмен дал своей системе, было *операциональный* бихевиоризм [Tolman, 1936]. Все это помогает понять, почему порой когнитивную революцию, произошедшую в 1960-х гг., называют мифом, а сам когнитивизм – лишь поздней формой бихевиоризма [Лихи, 2003]. Те, кто говорит об этом, сводят бихевиоризм к набору методологических правил, совершенно забывая о том, что реформа методологии была только одной из задач Уотсона. Следуя путем Э. Толмена, когнитивисты пытаются вдохнуть новую жизнь в понятия старой психологии, что сродни тому, как если бы современные химики продолжали говорить об алкагесте, флогистоне, философском камне и проч. Когнитивная революция в действительности оказалась контрреволюцией.

[3] Некоторые историки психологии полагают, что независимо этот термин в том же 1913 г. предложил функционалист Энджелл, но первое его использование сопровождается им ссылкой на Уотсона [Angell, 1913].

В любом случае, как 50 лет спустя после выхода манифеста Дж. Уотсона писал Б. Ф. Скиннер, «бихевиоризм означает нечто большее, нежели приверженность объективному измерению» [Skinner, 1963. P. 958]. Быть бихевиористом – значит принять определенную онтологию, а именно онтологию материалистического монизма.

Бихевиоризм: метаморфозы

Несмотря на то, что бихевиоризм Дж. Уотсона обычно рассматривается как форма материализма, отдельные ученые склонны подвергать сомнению общепринятую точку зрения. Например, Ч. Толмен, не отрицая монистического характера системы Уотсона, утверждает, что он был не материалистом, а феноменалистом [Tolman, 1992]. Основной его постулат состоит в том, что бихевиоризм возник в рамках позитивистско-феноменалистского движения, идейным вдохновителем которого был Э. Мах. Безусловно, Уотсон, как и Скиннер, испытал определенное влияние философии Маха, но ни тот, ни другой никогда не принимали его онтологии. Смит продемонстрировал это относительно Скиннера [Smith, 1986]. То же может быть показано и относительно Уотсона. Как указывает сам Толмен, феноменализм утверждает, что мы имеем дело не с самими объектами (реальность которых Мах отрицает), а лишь с некоторыми аспектами индивидуального опыта (например, чувственными впечатлениями). Уотсон же постоянно говорит об объектах, воздействующих на человека. Например, он пишет, что все явления, которые исследует естествоиспытатель, исчерпываются «*миром физических объектов* (стимулов, к которым относится все, что может вызвать активность в рецепторе) (курсив мой. – *Ф. А.*)» [Watson, 1914. P. 1]. Вряд ли в этой фразе сквозит сомнение в том, что за чувственными впечатлениями стоят реальные объекты. Более того, психологов он критикует, в частности, по той причине, что они используют понятия разума и души, полагая, что «имеют дело, как им кажется, с нематериальными объектами» [Watson, 1925. P. 5].

В 1923 г. в *Psychological Bulletin* К. С. Лэшли публикует статью «Бихевиористская интерпретация сознания», в которой разграничивает три формы бихевиоризма [Lashley, 1923]. Согласно первой из них факты сознания существуют, отличаются от поведения и поддаются научному исследованию. К бихевиористам такого толка Лэшли причисляет Бехтерева, но следует отметить, что сторонники такого взгляда сами себя бихевиористами никогда не называли.

Вторая форма, которую Лэшли называет методологическим бихевиоризмом, также признает существование фактов сознания, но считает их недоступными для научного исследования. Таких бихевиористов Лэшли сравнивает с собакой на сене, поскольку они не только сами не исследуют сознание, но и запрещают это другим.

Третья форма, которой, с точки зрения Лэшли, в большинстве своих работ придерживался Уотсон, отрицает существование фактов сознания. Вот что пишет родоначальник бихевиоризма: «Я не могу согласиться с м-ром Томсоном, который утверждает, что в бихевиоризме существует психофизиологическая проблема (*mind-body problem*). Это серьезное непонимание бихевиористской позиции говорить, как это делает м-р Томсон: “И, конечно, бихевиорист не отрицает существования ментальных состояний. Он просто предпочитает их игнорировать”. Он “игнорирует” их в том же смысле, в котором химия игнорирует алхимию, астрономия – гороскопы, а психология – телепатию и психические воплощения. Бихевиориста они не заботят, поскольку с тем, как ширится и углубляется поток его науки, эти старые понятия исчезают, чтобы никогда не возникнуть вновь» [Watson, 1920. P. 95].

Таким образом, бихевиоризм Уотсона на уровне методологии ориентировался на естествознание, а на уровне онтологии являлся материалистическим монизмом. Это, конечно, не означает, что Уотсон отрицал то, что мы мыслим или чувствуем. Он лишь утверждал, что наша «внутренняя жизнь» имеет материальный характер, т. е. является поведением.

Но, как бы то ни было, претерпевать метаморфозы бихевиоризм начал, едва возникнув. В течение небольшого периода возникают разнообразные его формы, как внутри психологии, так и за ее пределами. *Методологический бихевиоризм*, отказавшись принять монистическую онтологию, открыл путь для «когнитивной революции». Опирающийся на операционализм, он связал бихевиоризм с позитивизмом, и эта

связь только окрепла с возникновением *логического бихевиоризма*. Благодаря последнему также усилился миф, согласно которому «бихевиоризм в психологии» исчерпывается лишь методологией. Вот что пишет Прист: «Следует четко разграничивать логический бихевиоризм и бихевиоризм в психологии. Бихевиоризм в психологии представляет собой метод для изучения человеческих существ. Но он не является ни учением о значении психологических понятий, ни возможным решением проблемы сознания и тела» [Прист, 2000. С. 61–62]. Но ни Уотсон, ни Скиннер с этим бы не согласились. В 1925 г. Уотсон оставлял этот вопрос открытым, заявляя, что «пока дискуссия не дала полного ответа на вопрос, является ли бихевиоризм системой или методом» [Watson, 1925. P. 18]. В 1963 г. Скиннер утверждал, что бихевиоризм – это «не научное изучение поведения, а философия науки, обращенная к предмету и методам психологии» [Skinner, 1963. P. 951]. К сожалению, Скиннер был одним из немногих, кто считал бихевиоризм прежде всего философией. Большинство же, включая Толмена, Халла, Гатри и Левина (включим в этот список и его, коль он сам называл свою систему бихевиористской), поддались очарованию операционализма и логического позитивизма… и поплатились за это. Сначала сами позитивисты показали, что теории бихевиористов не соответствуют позитивистским критериям [Лихи, 2003], а потом и сам позитивизм подвергся разгромной критике. В. М. Аллахвердов пишет по этому поводу: «(Не случайно крах позитивизма и отказ большинства психологов от бихевиоризма произошли в дальнейшем почти одновременно). Вот эту-то методологическую установку и воплощал бихевиоризм» [2000. С. 198]. И с этим можно согласиться, правда, за одним исключением. Самый знаменитый бихевиорист XX столетия, Б. Ф. Скиннер, позитивистом не был (хотя В. М. Аллахвердов, по-видимому, причисляет к ним и его, указывая на влияние Рассела, Маха и Бриджмена). А потому крах позитивизма его не коснулся.

Радикальный бихевиоризм: определяя феномен

Вероятно, не будет ошибочным утверждать, что радикальный бихевиоризм подвергается едва ли не самой превратной трактовке из всех форм бихевиоризма. Ошибочные представления о нем повторяются в бесчисленных учебниках по психологии, авторы которых вряд ли утруждают себя проверкой и критическим анализом той информации, которую они сообщают.

Как уже отмечалось, многие бихевиористы поспешили придать своим работам когнитивный оттенок. Толменианцы, халлианцы и другие приспособились к новым интеллектуальным веяниям, признав ментальные феномены реально существующими и доступными для научного изучения. Радикальный бихевиоризм, пожалуй, остался единственным направлением, сохранившим дух системы Уотсона. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что впервые атрибут «радикальный» был приписан именно бихевиоризму Уотсона [Calkins, 1921]. Радикальность выражалась в отрицании существования ментальных явлений, что отличало его от более «умеренных» концепций, в частности, «бихевиористской психологии самости» Калкинса. Тем не менее атрибут «радикальный» не стал общепринятым относительно бихевиоризма Уотсона. Его называли и экстремальным (*extreme*), и прямым (*strict*), и бескомпромиссным (*thoroughgoing*) [Schneider, Morris, 1987]. История сложилась так, что радикальным бихевиоризмом стали называть теорию Скиннера, который провел различие между радикальным и методологическим бихевиоризмом в начале 1930-х гг. Как позже писал он в автобиографии: «Я предпочел позицию радикального бихевиоризма, в котором отрицалось существование субъективных сущностей» [Skinner, 1979. P. 117]. Таким образом, говоря о радикальности своей позиции, Скиннер подразумевал, прежде всего, ее онтологический аспект. Он со всей очевидностью придерживался материалистического монизма, отмежевываясь как от дуализма, так и от идеализма. «Существует только один мир, и это мир материи, пусть даже термин “материя” более не считается полезным [...] Там, где дуалист занимается различиями между реальным миром и миром опыта, а идеалист берклианского толка – различиями между различными восприятиями (ощущениями / элементами), там бихевиорист исследует различия между разными реакциями» [Skinner, 1969. P. 249].

Радикальный бихевиоризм: заблуждения

Сразу стоит устранить одно часто встречающееся недоразумение. Материализм Скиннера отнюдь не означает того, что он игнорирует внутренний мир человека. Напротив, анализ того, что он называл личными событиями, является важной частью его системы [Федоров, 2007б]. Бихевиорист не отрицает того, что мы живем полноценной внутренней жизнью. Он лишь говорит о том, что эта жизнь не носит ментального характера. Природа распорядилась таким образом, что для каждого человека небольшая часть вселенной является *личной*. Радикальный бихевиорист не спорит с тем, что «наша радость, печаль, любовь и ненависть принадлежат именно нам» [Skinner, 1953. P. 257]. Он лишь полагает, что «кожа не является важной границей. Личные и публичные события обладают однородными физическими измерениями» [Skinner, 1963. P. 953].

Мы уже указывали на то, что радикальный бихевиоризм ошибочно понимался в советской психологии как позитивистское и идеалистическое течение [Fedorov, 2010]. К сожалению, его ошибочное восприятие сохранилось и в современной российской психологии. Приведем лишь два примера.

Рассматривая в своей работе «Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания» проблемы, связанные с научением, В. М. Аллахвердов подвергает острой критике бихевиористов, вскрывая те проблемы, которые, по его мнению, они обходят, «как им и положено» [2003. С. 105]. В. М. Аллахвердов определяет научение как «процесс повышения эффективности деятельности в результате упражнения, т. е. многократного повторения одних и тех же действий» [Там же. С. 104], а потом показывает неясность и противоречивость этого определения. Например, движения никогда не повторяются, а потому конкретные движения не могут участвовать в образовании связей. Или как повторение одних и тех же движений повышает эффективность, если движения одни и те же? Стратегия, безусловно, хорошая, единственная проблема которой заключается в том, согласятся ли бихевиористы с предложенным определением. И если мы говорим о Скиннере, то ответ будет отрицательным. Он, во-первых, критикует понимание научения как улучшения (повышения эффективности). «Улучшения в чем? И с чьей точки зрения»? – спрашивает Скиннер [Skinner, 1950. P. 195]. Более того, сам термин «научение» он считает обманчивым. В. М. Аллахвердов обоснованно спрашивает, если мы можем делать то, чему должны научиться, почему вообще возникает необходимость в научении? Скиннер отмечает, что в этом смысле научение является просто объяснительной фикцией, поскольку в действительности мы наблюдаем лишь усвоение *тенденции* совершать некоторое действие. Более того, Скиннер понимает, что конкретное движение не может участвовать в образовании связей. Именно поэтому он пишет, что единицей анализа прогнозирующей науки является не реакция, а класс реакций, обозначаемый термином «оперант» [Skinner, 1953].

В другой работе В. М. Аллахвердов пишет, что Скиннер полагал, будто «из человека с помощью соответствующего подкрепления можно сделать все что угодно» [2000. С. 203]. Он, правда, не подкрепляет это утверждение ссылкой на работы самого Скиннера, что и неудивительно: *Скиннер так не считал*. Он признавал наличие генетических факторов, связанных с эволюцией, и уже по этой простой причине не мог говорить о всемогуществе подкрепления. «Поведение организмов – единая область, в которой как филогенез, так и онтогенез должны приниматься во внимание» [Skinner, 1977. P. 1012]. В. М. Аллахвердов восклицает: «Он [Скиннер], безусловно, заслужил лучшей участи, чем быть бихевиористом» [2000. С. 202]. Это сомнительно, но он точно заслужил лучшей участи, чем быть неправильно понятым.

Ошибочно интерпретирует теорию Скиннера в работе «Методологический анализ в психологии» и В. Ф. Василюк [2003]. Обвиняя Скиннера в позитивизме, он говорит о том, что тот отказывается от учета всех внутренних, во внешнем поведении непосредственно не наблюдаемых процессов, как физиологических, так и биологических. Это ошибочное утверждение, поскольку Скиннер не только называл позитивизм плохим бихевиоризмом [Skinner, 1967], но и прямо говорил о том, что наука не должна ограничивать себя публично наблюдаемыми событиями. Удивительно, но в методологи-

ческом анализе Василюком теории Скиннера ни разу не упоминается концепция личных событий, являющаяся неотъемлемой частью радикального бихевиоризма.

Далее, В. Ф. Василюк утверждает, снова обвиняя Б. Ф. Скиннера в позитивизме, что он принципиально вычеркивает физиологию из списка поведенческих дисциплин, возводя «непреодолимую» стену между внешним и внутренним (физиологическим) [2003]. И снова мы сталкиваемся с неправильной интерпретацией радикального бихевиоризма. Скиннер, во-первых, никогда не сводил «внутреннее» только к физиологическому. Во-вторых, он прямо говорил о том, что поведение человека «может быть объяснено только совместными действиями этологии, наук о мозге и анализа поведения» [Skinner, 1989. P. 18]. Скиннер действительно полагал, что новые открытия в области физиологии не смогут изменить уже открытых законов поведения. Но он говорил об этом в том же смысле, в котором физики говорят о том, что «специальная теория относительности не отменяет ньютоновской физики, а расширяет и дополняет ее» [Трефил, 2007]. Точно так же Скиннер говорит о том, что открытия в науках о мозге смогут дополнить анализ поведения. Следует помнить о том, что открытия в области квантовой механики не изменили того факта, что законы Ньютона применимы к обычным объектам, движущимся с нормальными скоростями.

Наконец, В. Ф. Василюк пишет о том, что Скиннер, верный махистскому принципу отказа от категории причинности, заменяет последнюю функциональным отношением [2003]. Как говорил Д. С. Лихачев, полуправда есть худший вид лжи. В ряде работ Скиннера причинная связь действительно определяется через функциональную зависимость, но он, как и всякий серьезный теоретик, развивал свои взгляды. И развитие это происходило в направлении от функциональной к селекционной модели причинности [Moxley, 1997]. Противореча махистскому отказу от детерминизма, Скиннер писал: «Если мы хотим использовать методы науки в сфере изучения человека, мы обязаны предположить, что поведение закономерно и детерминированно» [Skinner, 1953. P. 6]. А модель отбора по последствиям, лежащая в основе радикального бихевиоризма, прямо определяется им как модель причинности: «Отбор по последствиям – это вид причинности (каузальная форма), наличествующий только у живых существ или у машин, созданных живыми людьми» [Skinner, 1981. P. 501]. В любом случае, сведение взглядов Скиннера на причинность к функциональной зависимости представляется сильным упрощением. Слайф с коллегами насчитывают как минимум четыре взгляда на причинность в рамках радикального бихевиоризма [Slife et al., 1999]. Первый из них, который может быть назван *метафизическим* (или же натуралистическим) *детерминизмом* ассоциируется с радикальным бихевиоризмом наиболее часто. Установка его следующая: все события, включая поведение организмов, являются необходимым следствием предшествующих условий. В рамках этого подхода поведение человека жестко детерминировано генетическими и средовыми влияниями, зная которые, мы может контролировать и предсказывать поведение человека.

Второй подход, который можно идентифицировать, – *метафизический пробабилизм*. Согласно этой точке зрения, в основе мира лежит вероятность и неопределенность, а непредсказуемость поведения скорее является ее следствием, а не следствием нашего неполного знания о предшествующих событиях. Таким образом, поведение развертывается в мире, представляющем собой стохастическую систему, а потому сколь бы полным не было наше знание, все наши предсказания будут иметь лишь вероятностный характер.

Третий подход, который реализуется в радикальном бихевиоризме, – это *научный детерминизм*. Научные детерминисты отличают метод от метафизических утверждений о природе реальности. Они полагают, что мир действительно лучше всего изучать посредством науки, применяя концепцию детерминизма, но тем не менее не считают нужным из этого выводить какие-то свойства реальности. Мы действительно можем научиться предсказывать поведение человека, если изучим предшествующие состояния системы, но из этого не следует, что реальность покоится на детерминизме.

И, наконец, еще одним взглядом на причинность является *функциональная взаимозависимость* (только о котором и говорится в работе Ф. Е. Василюка). Согласно этой точке зрения задачей ученого является не поиск причин, а тщательное описание

функциональных зависимостей между средой и организмом. Этот подход опирается на воззрения Эрнста Маха, который в свою очередь многое заимствует у Дэвида Юма. Все, что нам дано знать, это лишь постоянное последовательное совпадение во времени двух событий, потому мы должны избегать употребления таких слов, как *причина* и *следствие*. В этом контексте задачей науки является не объяснение, а описание. И хотя некоторые современные сторонники анализа поведения склонны сводить радикальный бихевиоризм именно к этой точке зрения, на это нет достаточных оснований [Ulman, 1998]. Скиннер всегда подчеркивал, что «наука – это нечто большее, нежели просто описание происходящих событий. Это попытка открыть порядок, показать, что определенные события находятся в закономерных отношениях с другими событиями» [Skinner, 1953. P. 6]. Указание Скиннером на закономерность крайне важно, поскольку Бунге подчеркивает, что «регулярная обусловленность, т. е. закономерность, является существенным компонентом общего детерминизма» [Бунге, 1975. С. 40]. Еще раз подчеркнем: Скиннер действительно соглашался с рядом идей, высказанных Махом, но он отрицал его феноменализм и индетерминизм [Smith, 1986; Федоров, 2007а]. Как бы то ни было, сведение В. Ф. Василюком взглядов Скиннера на причинность к воззрениям Маха является, в лучшем случае, полуправдой и явным упрощением.

Радикальный бихевиоризм: современность

Нельзя, безусловно, утверждать, что подобные заблуждения относительно теории Скиннера существуют только в российской психологии. И за рубежом радикальный бихевиоризм реконструируется множеством способов, которые зачастую между собой просто несовместимы. Одной из крайних форм такой реконструкции стал так называемый *идеалистический радикальный бихевиоризм*, прагматистский вариант радикального бихевиоризма, основанный на идее контекстуализма (слияние внешней среды и поведения в единое поведение-в-контексте) с одновременным отрицанием существования внешнего объективного мира. Его сторонники утверждают, понимая, что сам Скиннер с ними вряд ли согласится, что, «по существу, термин “контекстуализм” является синонимом термина “радикальный бихевиоризм”. Скиннер может быть или не быть довольным тождеством между ними, но оно вытекает логически» [Jacobson, 1997. P. 439].

Подобные прочтения трудов Скиннера делают термин «*радикальный бихевиоризм*» в наши дни практически бесполезным. Чтобы избежать терминологических головоломок, недавно было предложено именовать материалистический вариант радикального бихевиоризма, аутентичный взглядам самого Скиннера, *бихевиоральным материализмом* [Ulman, 1998]. Последний, таким образом, является философией, которая лежит в основании той области знаний, которая институционализировалась относительно недавно, отделившись от психологии, точнее той ее части, которая представлена в Американской психологической ассоциации секцией анализа поведения. Речь идет о *бихевиорологии*, которая фокусом своего анализа сделала контингентные связи между поведением и другими событиями. От других наук о поведении ее отличает скиннеровский контингентно-ориентированный подход к интерпретации и однозначное исключение любых ментальных агентов, таких как сознание, разум, эго и т. д. (но не внутреннего мира человека, описываемого посредством личных событий). Термин, предложенный Скиннером (*экспериментальный анализ поведения*), был признан неудачным для обозначения бихевиорологической науки, поскольку другие бихевиористы (например, Халл или Толмен) также практикуют лабораторный поведенческий анализ.

Заключение

Бихевиоризм – политический узник Чертова острова. Обвиненный в том, чего и не думал совершать, он тщательно игнорируется большинством современных психологов, которые находят непонятное успокоение в мысли, что бихевиоризм мертв. Наделенный эпитетами «механистичный», «негуманный» и даже «фашистский», он, по мнению большинства, этого заслужил. Они, вероятно, и не подозревают, что год спустя после опубликования «фашистской» книги «По ту сторону свободы и достоинства» Скиннер получил награду «Гуманист года» от Американской гуманистической ассоциации.

Как ни странно, Скиннер был романтиком. Его взглядам на свободу в работе Кузьминой посвящен всего один абзац, сводящийся к тому, что он ее отрицал [2007]. Но взгляды Скиннера были гораздо сложнее. Никто об этом не скажет лучше него: «Моя гуманная надежда заключается в том, чтобы человечество продолжало открывать способы все более эффективного управления самим собой, но не только в смысле обеспечения будущего, но в смысле нахождения такого будущего, в котором бы люди *чувствовали* себя свободнее, чем когда-либо прежде, и достигали более великих вещей» [Skinner, 1975. P. 229].

Бихевиоризм жив. Не только развивается его радикальная форма, появляются новые, порой невероятные. Так, уже в XXI в. возник гибрид радикального бихевиоризма и интенциональной психологии – *интенциональный бихевиоризм* [Foxall, 2007]. К другим новым его формам, так или иначе заимствующим психологическую терминологию, можно отнести *телеологический бихевиоризм* [Rachlin, 1992] и *психологический бихевиоризм* [Staats, 1996].

Усилия бихевиористов направлены на то, чтобы выполнить задачу, поставленную еще Уотсоном: понять человеческое поведение, чтобы им можно было управлять. Такие разные бихевиористы, как Айзенк и Скиннер, считали ее одинаково важной. Мы должны научиться управлять нашим поведением с помощью поведенческих наук, пока мы не уничтожили себя и планету с помощью наук физических. И это управление не поработит нас, напротив, оно только тогда будет принято бихевиористом, когда поможет нам чувствовать себя свободнее. Как писал Айзенк, «не стреляйте в бихевиориста – он старается изо всех сил» [Айзенк, 2009. С. 350].

Список литературы

Айзенк Г. Парадоксы психологии. М.: Эксмо, 2009.

Аллахвердов В. М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Речь, 2003.

Аллахвердов В. М. Сознание как парадокс (Экспериментальная психологика). СПб.: ДНК, 2000.

Бунге М. Философия физики. М.: Прогресс, 1975.

Василюк Ф. Е. Методологический анализ в психологии. М.: Смысл, 2003.

Кузьмина Е. И. Психология свободы: теория и практика. СПб.: Питер, 2007.

Левин К. Теория поля и научение // Теория поля в социальных науках. СПб.: Сенсор, 2000. С. 81–107.

Лихи Т. История современной психологии. СПб.: Питер, 2003.

Прист С. Теории сознания / Пер. с англ. А. Ф. Грязнова М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.

Трефил Д. 200 законов мироздания / Гелеос, Фонд Дмитрия Зимина «Династия», 2007. URL: http://elementy.ru/trefil (дата обращения: 09.02.2011).

Фёдоров А. А. Категория причинности в радикальном бихевиоризме // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Психология. 2007а. Т. 1, вып. 1. С. 20–25.

Фёдоров А. А. Радикальный бихевиоризм и психическая реальность // Вестн. Новосиб. гос. ун.та. Серия: Психология. 2007б. Т. 1, вып. 2. С. 23–30.

Хант М. История психологии. М.: АСТ, 2009.

Angell J. R. Behavior as a Category of Psychology // Psychological Review. 1913. Vol. 20. P. 255–270.

Ardila R. Behavior Analysis in an International Context // In Internationalizing the History of Psychology / Ed. by A. C. Brock. N. Y.: New York Univ. Press, 2006. P. 112–132.

Calkins M. W. The Truly Psychological Behaviorism // Psychological Review. 1921. Vol. 28. P. 1–18.

Fedorov A. A. Behaviorology and Dialectical Materialism: On the Way to Dialogue // Psychology in Russia: State of the Art. Scientific Yearbook / Eds. Yu. P. Zinchenko, V. F. Petrenko. M., 2010. P. 171–180.

Foxall G. R. Intentional Behaviorism // Behavior and Philosophy. 2007. Vol. 35. P. 1–55.

Jacobson N. S. Can Contextualism Help? // Behavior Therapy. 1997. Vol. 28. P. 435–443.

Lachman R., Lachman J. L., Butterfield E. C. Cognitive Psychology and Information Processing: An Introduction. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1979.

Lashley K. S. The Behavioristic Interpretation of Consciousness // Psychological Bulletin. 1923. Vol. 30. P. 237–272 (part I); 329–353 (part II).

Moxley R. A. Skinner: From Essentialist to Selectionist Meaning // Behavior and Philosophy. 1997. Vol. 25 (2). P. 95–119.

Pinker S. The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature. N. Y.: Viking, 2002.

Rachlin H. Teleological Behaviorism // American Psychologist. 1992. Vol. 47 (11). P. 1371–1382.

Schneider S. M., Morris E. K. A History of the Term Radical Behaviorism: From Watson to Skinner // The Behavior Analyst. 1987. Vol. 10. P. 27–39.

Skinner B. F. Are Theories of Learning Necessary // Psychological Review. 1950. Vol. 57. P. 193–216.

Skinner B. F. About Behaviorism. N. Y.: Knopf, 1974.

Skinner B. F. Behaviorism at Fifty // Science. 1963. Vol. 140. P. 951–958.

Skinner B. F. Cognitive Science and Behaviourism // British Journal of Psychology. 1985. Vol. 76. P. 291–301.

Skinner B. F. Comment on Watts's «B. F. Skinner and the Technological Control of Social Behavior» // The American Political Science Review. 1975. Vol. 69 (1). P. 228–229.

Skinner B. F., Blanshard B. The Problem of Consciousness – A Debate // Philosophy and Phenomenological Research. 1967. Vol. 27 (3). P. 317–337.

Skinner B. F. Contingencies of Reinforcement: A Theoretical Analysis. N. Y.: Appleton-Century-Crofts, 1969.

Skinner B. F. Herrnstein and the Evolution of Behaviorism // American Psychologist. 1977. Vol. 32. P. 1006–1012.

Skinner B. F. Science and Human Behavior. N. Y.: Macmillan, 1953.

Skinner B. F. Selection by Consequences // Science. 1981. Vol. 213. P. 501–504.

Skinner B. F. The Origins of Cognitive Thought // American Psychologist. 1989. Vol. 44. P. 13–18.

Skinner B. F. The Shaping of a Behaviorist. N. Y.: Knopf, 1979.

Slife B. D., Yanchar S. C., Williams B. Conceptions of Determinism in Radical Behaviorism: A Taxonomy // Behavior and Philosophy. 1999. Vol. 27. P. 75–96.

Smith L. D. Behaviorism and Logical Positivism: A Reassessment of the Alliance. Stanford, CA: Stanford Univ. Press, 1986.

Staats A. W. Behavior and Personality: Psychological Behaviorism. N. Y.: Springer, 1996.

Tolman C. W. Watson's Positivism: Materialist or Phenomenalist // Positivism in Psychology: Historical and Contemporary Problems / Ed. by C. W. Tolman. N. Y.: Springer-Verlag, 1992. P. 83–102.

Tolman E. C. Principles of Purposive Behavior // Psychology: A Study of a Science / Ed. by S. Koch. N. Y.: McGraw-Hill, 1959. Vol. 2. P. 92–157.

Tolman E. C. Operational Behaviorism and Current Trends in Psychology. Paper given at Proceedings of the Twenty-fifth Anniversary Celebration of the Inauguration of Graduate Studies at the University of Southern California, 1936. (Reprinted in Tolman E. C. Behavior and psychological man: Essays in motivation and learning. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press, 1961).

Ulman J. D. Radical Behaviorism Versus Pragmatism. Article were presented at the X Convention of the International Society for Behaviorology. Tampa, 1998.

Watson J. B. Behavior: An Introduction to Comparative Psychology. N. Y.: Henry Holt And Company, 1914.

Watson J. B. Behaviorism. L.: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. Ltd., 1925.

Watson J. B. Behaviorism – The Modern Note in Psychology / The Battle of behaviorism: An exposition and an exposure, 1929. URL: http://psychclassics.yorku.ca/Watson/Battle/ (дата обращения: 09.02.2011).

Watson J. B. Is thinking Merely the Action of Language Mechanisms? // British Journal of Psychology. 1920. Vol. 11. P. 87–104.

Watson J. Psychology as the Behaviorist Views It // Psychological Review. 1913. Vol. 20. P. 158–177.

Wyatt W. J., Hawkins R. P., Davis P. Behaviorism: Are Reports of Its Death Exaggerated? // The Behavior Analyst. 1986. Vol. 9. P. 101–105.

Материал поступил в редколлегию 19.08.2013

A. A. Fedorov

THE PRISONER OF THE DEVIL'S ISLAND

The problems of the essence of behaviorism, its historical development, forms and contemporary status are considered in the article. Special attention is given to Skinner's radical behaviorism and to the analysis of delusions about it among Russian psychologists. The author concluded that the underestimation of behaviorism potential is often associated with the wrong interpretation of it.

Keywords: behaviorism, radical behaviorism, methodological behaviorism, private events, operationalism, materialism, causality, Skinner.